

СОСЕД ТИЛЯ И МЮНХГАУЗЕНА

Кувачинская газета, - 2000. -
Несостоявшееся интервью - 29 июля,
с Григорием Гориным - с. 10

Перебирая старые записи, я обнаружил один блиц-разговор с ушедшим от нас Григорием Гориным. Разговор состоялся несколько лет назад на одном из писательских форумов, которые властители дум постперестроечной России любили в то время собирать для очередного определения позиции – с оргвыводами в виде окончательного и бесповоротного разделения Союза писателей. Разговор носил, как принято говорить, кулуарный характер и имел целью перерасти в основательное интервью. Но судьба распорядилась оставить беседу в обрывочных записях – в виде парадоксальных наблюдений того, кто называл себя «соседом Тиля и Мюнхгаузена», в мотыльковом жанре словесных усмешек с характерным горинским спотыкающимся «поплеыванием» слов.

Александр Щуплов

-В Ы СОВСЕМ перестали писать рассказы и ушли на драматургическую стезю?

– В первую очередь сегодня ощущаю себя драматургом. Лет десять не пишу рассказы – и не испытываю желания превращаться в человека с бумажкой перед микрофоном. Сейчас зритель требует: острее! острее!.. У жанра появился новый закон – наносить удары ниже пояса... Или зал не удержишь! Раньше сатирик был человеком, который ходил по проволоке под куполом цирка. Риск был составной частью профессии. Если не нравилось, оставался выбор: ходить по полу, выбирать иной жанр. А сейчас... И все-таки с радостью вспоминаю свое прошлое, когда писал рассказы: я был молод, наивен...

– Как бы вы сами определили драматический жанр, в котором работаете в последнее время?

Григорий Горин.

Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

– Кроме злободневных «Маленьких комедий большого дома», мои пьесы скорее притчи. Время Свифта – время отчаяния, именуемое застоём. От своего вялотекущего времени, в котором современники великого англичанина не читали его фельетоны, Свифт сам сошел с ума. Время барона Мюнхгаузена – эпоха шестидесятников. Герой – романтик, поэт, больше всего опасющийся пошлости и успокоенности, ждущий ежедневных перемен, желающий жить «не по лжи». На вопрос Марты: «Господи, будет ли хоть один день, когда ничего не происходит?» – барон отвечает: «Но это ужасно!» «Я не готова для 32

марта, я боюсь его!» – говорит героиня. Вместе с ней сейчас эти слова могли бы повторить и повторяют много людей, которые устали от ежедневных катастроф, убийств, взрывов... Впрочем, наступает время деятелей. Каким оно будет?..

– Если под зарубежными героями ваших драматических притч (немец Мюнхгаузен, фламандец Уленшпигель, англичанин Свифт) можно подвести общий знаменатель – побег от бытового болота, то векторы русских героев (гусары из рязановской кинокомедии, писательская братия из «Кота домашнего средней пушистости») топорчатся в разные стороны, как ежики...

– Потому что Россия не похожа ни на кого. Умом тянемся к Западу, ноги поворачивают сами собой на Восток... В XIX веке любой гимназист считал своим долгом задаться вопросом: «Кто я – гений или ничтожество?» Ответ был на ладони: он учился в своей гимназии, обязан был готовить уроки и каждый день чистить зубы. Но регулярная деятельность – не для нас. С другой стороны, нам чужда и восточная нирвана с ее полеживанием на солнцепеке... Может быть, отсюда и наш юмор, который на иностранный перевести невозможно.